

В бурлящих волнах Моря Душ, где все мечты и кошмары соединены в непрерывном противоречии, ковалась цепь сделок, угроз и интриг. Ее создательница была молода по меркам бессмертных обитателей Эмпиреев, только недавно возвысившись над своим смертным происхождением благодаря Темной Силе, которой служила.

Согласно тому, что считалось правилами Великой Игры Хаоса (хотя на самом деле это были не правила, а всего лишь предложения, навязанные Тёмными Богами), то, чего она стремилась достичь, должно было быть за пределами возможностей свежее испечённой Принцессы Демонов Слаанеша. Но Эмели ныне пользовалась благосклонностью Темного Принца, а с его благосклонностью подобные ограничения были несущественны.

Ибо Слаанеш был богом одержимости во всех ее бесчисленных формах, а одержимость Эмели была одной из самых редких, которые удалось распробовать Принцу Наслаждений. Немногие последователи Шестигранного Властелина сохранили способность к эмоциям, что связывали Принцессу Демонов с ее восходящим чемпионом, и еще меньше было того, чем Слаанеш наслаждался больше, чем новыми впечатлениями.

Демонические слуги других Темных Богов воспротивились намерениям Эмели, и в Море Душ разгорелась битва. По меркам Материума она была непостижимо масштабной, но по меркам Большой Игры это едва ли можно назвать одиночной стычкой. Миллиарды демонов, принадлежавших каждому из Четверки, были убиты и съедены, а Принцесса Демонов стала сильнее за счет душ побежденных.

После целой вечности, что продлилась всего шесть ударов сердца, воинство Темного Принца одержало победу, и приз, который Эмели хотела подарить своему возлюбленному, наконец попал к ней в руки. С ихором поверженного врага, стекающим с уголков ее рта, Принцесса Демонов улыбнулась невинной улыбкой влюбленной девы, гадая, что ее возлюбленный подумает о подарке.

Вокруг нее младшие слуги Той-Кто-Жаждет задрожали от смеси ужаса и зависти при виде этого зрелища, гадая, какие глубины разврата и излишеств созерцала их темная госпожа.

***

Поднимаясь по лестнице Дома Памяти в комнату со статуей Эмели (которая, я готов был поклясться, каждый раз меняла положение), я изо всех сил старался скрыть свои страхи и беспокойство. Я был здесь уже несколько раз с момента инаугурации: отказ от предложения Кристабель о регулярных визитах казался бы пренебрежением, которое настроило бы против меня и Служанок, и саму Эмели. То, что Принцесса Демонов была одержима мной, уже достаточно нервировало: я не хотел представлять, что произойдет, если она осознает правду.

Кристабель связалась со мной вчера и попросила нас встретиться там, отказавшись сообщить какие-либо подробности, кроме того факта, что у Эмели было что-то, что она хотела сказать мне, так сказать, «лично». Я не мог придумать какой-либо конкретной причины для этой встречи, и это меня беспокоило.

От новости о том, что Кристабель хочет поговорить со мной наедине, у меня сразу же начали зудеть ладони. За месяц, прошедший с тех пор, как Славкенберг каким-то образом отбил первую имперскую попытку вернуть себе планету, все вернулось к тому, что я (с немалым ужасом) начал считать нормой. Сразу после уничтожения «Пылающего возмездия» было множество вечеринок и празднований, так как люди по понятным причинам праздновали тот факт, что им все-таки не придется умирать. Несмотря на все мои попытки объяснить, что это

Тесилон-Каппа был настоящим спасителем положения, саботировав Экстерминатус, большая часть заслуг по-прежнему легла на мои плечи, потому что я именно я на виду миллионов прикончил Карамазова.

По крайней мере, магос не выглядел рассерженным тем, что я вот так украл его славу, хотя, вероятно, это было потому, что он были слишком занят разборкой захваченного оборудования с целью воссоздания чертежей для ОАС. Конечно, борги уже работали над своими собственными проектами танков, но иметь что-то, что можно было бы использовать в качестве эталона, было очень полезно для их исследований.

Разработанная ими артиллерия хорошо показала себя против Имперской Гвардии, но Тесилон-Каппа открыто признал, что орудия, захваченные ОАС, были гораздо более совершенными. Что, учитывая, что до Восстания борги работали исключительно над гражданским снаряжением, в то время как снаряжение Гвардии производилось в мирах-кузницах, предназначенных для вооружения Молота Императора, казалось мне совершенно логичным.

С самими сдавшимися гвардейцами разобраться было сложнее я, чем с их снаряжением. Я обещал хорошо с ними обращаться и намеревался сдержать свое слово, хотя бы потому, что маньяки из ОАС, на мой взгляд, слишком высоко ценили честь, и я не хотел, чтобы они начали сомневаться в моральных качествах их любимого Освободителя. С другой стороны, ОАС понятия не имели, как обращаться с пленными: последними пленными СПО Славкенберга были протестующие против правления Гиорбы, и никто не хотел повторять произошедшее с ними. У Милитарума были свои протоколы, но я не думал, что буду пытаться им следовать было хорошей идеей: они предназначались для удержания предателей и еретиков, пока их обрабатывают власти (или инквизиция), а наша ситуация выглядела гораздо более долгосрочной.

В конце концов, я вместе с Малоне и Джафаром решил создать что-то приемлемое для всех. Валхалльцы были отправлены в другой горный регион, более доступный, чем их первоначальная посадочная площадка, но все еще изолированный. Борги построили общежития и установили все необходимое для тысяч заключенных, а также стены и сторожевые башни для солдат, которым было поручено это все охранять. Я приезжал туда уже несколько раз, с наступлением зимы температура становилась все холоднее и холоднее, но военнопленных это, похоже, не раздражало: во всяком случае, они наслаждались более низкими температурами, которые, как я догадывался, были значительно привлекательнее для обитателей ледяного мира. Даже Юрген был бодрее обычного, хотя кому-то менее привычному к нему было бы трудно это понять: после того, как его заставили остаться, пока я бродил по «Пылающему Возмездию», он стал еще более решительным в нежелании выпускать меня из поля зрения.

Гвардейцы были настолько расслаблены и довольны ситуацией, насколько в принципе можно было ожидать. Их командиры успокоили всех и занялись тренировками и различными делами по лагерю: после многих лет, проведенных под командованием Ченкова, они, казалось, наслаждались возможностью расслабиться. Сам факт того, что пребывание в плену у повстанцев-еретиков, по-видимому, было улучшением их положения, был почти достаточным, чтобы заставить меня пожалеть, что я не передал Ченкова живым остальным членам Совета Освобождения, вместо быстрой смерти, которую он получил в итоге.

Я лично посетил жилые помещения в сопровождении целой кучи пикт-камер, чтобы показать плебеям, что все идет хорошо, и им не нужно бунтовать, требуя казни всех пленников без суда и следствия. Юрген сопровождал меня на случай, если один из пленников по какой-то непостижимой причине попытается отомстить за своего командира, но, в конце концов, его

присутствие оказалось излишним. Я не мог точно сказать, что солдаты были рады меня видеть, но их офицеры были достаточно сердечны, даже пригласили меня отведать их уникальный сорт чая, который они называли танна и который, должен признать, мне очень понравился. И конечно, Юрген, похоже, был рад почувствовать вкус своего далекого дома. Пропагандистская встреча в результате сработала на отлично, и жители Славкенберга, очевидно, поверили моей речи о том, что вальхалльцы являются такими же жертвами имперского гнета, как и мы сами.

Изначальные экипажи кораблей, уцелевших после абордажа, были отправлены на планету внизу, и держались отдельно от гвардейцев, чтобы предотвратить искушение совершить побег, а также потому, что они не были вальхалльцами и чувствовали холод, как нормальные люди. Большинство из них провели всю свою жизнь в космосе или достаточно близко, и подверженность гравитации и атмосфере планеты вызывали всевозможные проблемы со здоровьем, которыми очень заинтересовались магосы-биологи, призванные поддерживать жизнь и как можно более здоровое состояние пленных.

Я также организовал для офицеров Вальхаллы экскурсии по оружейным производственным линиям и в учебные центры ОАС. Официально это было сделано для того, чтобы впечатлить их масштабами достижений восстания в надеждах на их участие нашем праведном восстании против тирании Империиума. Очевидно, будучи гораздо лучше осведомленным о состоянии дел в галактике, чем остальная часть Совета Освобождения, я знал, что фортификации Славкенберга, хотя и впечатляли, учитывая, с чего мы начинали, но были лишь бледной тенью разросшихся мануфактуров и казарм Империиума. Моя настоящая цель состояла в том, чтобы дать пленникам как можно больше важных знаний о ресурсах планеты, чтобы, когда придет следующая волна возмездия Империиума и они будут освобождены, они могли бы направить гнев Империиума на действительные военные цели. Надеюсь, это сведет к минимуму потерь среди гражданского населения и даст мне достаточно времени, чтобы придумать способ скрыться с этой планетки.

Мои размышления закончились, когда я добрался до места назначения. Кристабель ждала меня, преклонив колени в молитве перед статуей Эмили, которая, готов был поклясться, находилась в несколько ином положении, чем при моем прошлом визите. Она встала, чтобы поприветствовать меня, и ее поклон дал мне полный обзор ее впечатляющего декольте.

«Лорд Каин», — сказала она. — «Спасибо, что согласились так быстро встретиться со мной. Мне известно, насколько вы нынче заняты своей работой».

Одним из самых раздражающих аспектов всей этой ситуации (не путать с пугающими аспектами) было то, что она была права: моя рабочая нагрузка резко увеличилась после Восстания. Я приехал в Славкенберг в надеждах провести всю свою карьеру, выполняя абсолютный минимум, который мне сойдет с рук, и получая при этом максимальное удовольствие от своего поста, но управление планетарным правительством требовало много работы, даже в качестве номинального лидера. Свободного времени у меня было очень мало, а учитывая, что большую его часть я тратил на распитие дорогого амасека и разглядывание стен своей квартиры, попытки понять, как все пошло так катастрофически неправильно, то может оно было и к лучшему для моего здоровья.

Конечно, я не собирался говорить ей об этом. Особенно когда Эмили следила за мной ее глазами.

«Ничего страшного», — заверил я ее. — «Однако, ты попросила меня прийти сюда пораньше. Надеюсь, не для того, чтобы сообщить, что еще одна имперская оперативная группа уже в пути?»

Трон, я надеялся, что нет. Я знал, что это неизбежно, но морально готов не был.

«Нет, ничего подобного», — сказала она. — «Будь так, я бы указала на срочность моей просьбы, особенно теперь, когда мы точно знаем, как далеко готовы зайти рабы Ложного Императора, чтобы сокрушить тех, кто посмеет восстать против их тирании. Нет, у меня для вас есть личное сообщение от леди Эмели».

Чем больше Кристабель говорила, тем тяжелее становилось у меня в животе.

«Госпожа была в восторге от вашего героизма и безмерно насладилась вашим подарком в виде души несчастного инквизитора. Хотя она знает, что связь между вами сильнее любого мелочного обмена подарками, она все же пожелала поблагодарить вас за это. Поэтому», — продолжила с широкой улыбкой Служанка: — «Она организовала прибытие в систему космического скитальца».

Я моргнул. Несколько секунд мой мозг отказывался принимать сказанное ей.

«Извини», — удалось сказать мне, — «что?»

К счастью, Кристабель хорошо восприняла мой шок, обрадованная тем, что подарок ее госпожи сумел удивить меня. Покинув Дом Памяти (и еще раз убедившись, что Кристабель, а через нее и Эмели, были убеждены в моей благодарности за ее... подарок), я созвал остальных членов Совета Освобождения, чтобы проинформировать их. По его искусственному голосу было трудно понять, но я был уверен, что Тесилон-Каппа чуть ли не дрожал от волнения при мысли о всех технических чудесах, которые могли крыться внутри космического скитальца. Я больше беспокоился обо всех опасностях, которые конечно же крылись там за компанию, и твердо решил не приближаться к этой проклятой штуке.

***

Две недели спустя я стоял в ангаре одного из трех имперских транспортников, захваченных после уничтожения «Пылающего возмездия», и демонстративно рассматривал новую окраску боевого корабля, что спас меня от смерти при взрыве флагмана Федора Карамазова. Кто бы ни был теперь ответственен за него, он проделал тщательную работу: вся инквизиционная и имперская иконография была удалена с корабля. Он также был перекрашен в тот же багровый цвет, что и панцирная броня солдат США, с гербом Совета Освобождения на передней части корабля.

Внутренне я гадал о том, как снова умудрился угодить в подобную передрыгу. Я, конечно, уже знал ответ, но, как и любой человек с болезненной одержимостью, не мог сопротивляться желанию вернуться к болезненным мыслям.

Космический скиталец вышел из варпа три дня назад, и его прибытие сопровождалось вспышкой варп-активности, которую уловили все псайкеры и ауспики в системе. Из того немногого, что я знал о таких вещах, он выглядел типичным примером своего вида: огромная мешанина затерянных в Варпе разбитых кораблей, сплавленных воедино по прихоти Имматериума, прежде чем быть выплюнутыми обратно в реальность, чтобы выпустить на волю всю обитающую внутри мерзость, а также служить приманкой для глупцов, лезущих на борт. Глупцов вроде меня, судя по всему.

По словам Джафара, который копался в унаследованных им от предыдущей администрации архивах Администратума, и каким-то образом действительно сумел найти нужную информацию, Космический Скиталец был известен в Империи как Сердце Тьмы и терзал

Сегментум по меньшей мере столько же времени, сколько Император восседал на Золотом Троне. Но после того, как Служанки распространили среди населения причмну его появления здесь, Совет Освобождения вместо этого решил назвать его Даром Эмели.

Помимо потенциального клада ксено- и археотехнологий, реальное преимущество, которое можно было получить от космического скитальца, заключалось в том, что он мог значительно укрепить нашу орбитальную оборону, до сих под державшуюся на надеждах и мечтах. Несмотря на некомпетентность своего руководства, имперская экспедиция подчеркнула, что это была самая вопиющая слабость в обороне Славкенберга, поскольку без ритуала, который Джафар и Кристabelle провели в последний момент, мы были бы по-настоящему обречены. Хотя мы и добавили несколько транспортных кораблей в нашу скромную флотилию (это означало, что у нас, по крайней мере, было что-то способное к варп-перемещениям, что я мог бы использовать для побега, если случится худшее), они были почти бесполезны в космических битвах.

Строительство космических кораблей было делом многих лет, если не десятилетий, и требовало специального оборудования, знаний и ресурсов, которых у нас просто не было. Но Космический Скиталец, будучи мешаниной из десятков кораблей, потенциально мог бы быть превращен в звездную крепость, превосходящую все, о чем я когда-либо слышал, за исключением разве что легендарной Фаланги ордена Имперских Кулаков. Повторная активация даже десятой части орудий, обнаруженных ауспиком на его обширной поверхности, даст нам достаточной огневой мощи для уничтожения целого флота, если конечно мы сможем переместить эту громадину на орбиту (борги поклялись Совету, что смогут добиться этого, хотя у меня было тревожное ощущение, что их уверенность была продиктована скорее энтузиазмом, чем фактами).

Предполагалось, что космические скитальцы случайным образом затягиваются обратно в Имматиум, но, по словам Кристabelle, Эмели устроила так, что этот скиталец останется в Материуме навечно или по крайней мере до тех пор, пока боргам не удастся взять под контроль различные варп-машины. Что оставило только маленькую, крошечную, незначительную проблему того, что космические скитальцы были печально известны тем, что абсолютное большинство из них были доверху забиты всевозможными ксено-чудовищами, пробравшимися внутрь во время их случайных путешествий по галактике. И моя мошенническая репутация вполне естественно гарантировала мне место в первых же разведывательных группах на борту Дара Эмели. Это был упомянуто до такой степени небрежно на последнем заседании Совета, что я не смог найти способ избежать ответственности, не подорвав свой имидж в глазах моих предполагаемых подчиненных.

И вот я здесь. Раз уж другого выхода из этого не было, я решил подготовиться по полной. Меня должен был сопровождать Юрген, а также десяток солдат ОАС, переживших абордаж «Пылающего возмездия». Каждый из них был одет в багровый панцирь и нес различное снаряжение для улучшения шансов на выживание в предстоящей операции: более мощные лазерные пушки ближнего действия, режущие инструменты, веревки и другие безделушки, а также запас воды и пайков. У одного члена отряда был более тяжелый вокс-передатчик, а другой был обучен пользоваться ауспиком ближнего действия.

Тесилон-Каппа также вызвался сопровождать меня, хотя в его случае мне пришлось бы применить силу, чтобы помешать ему присоединиться. Мысль обо всех технологиях, которые можно найти внутри космического скитальца, полностью взяла верх над его инстинктами самосохранения. Когда я предположил, что было бы разумнее послать кого-то менее важного для работы Совета Освобождения (с вялой надеждой, что кто-то тогда укажет, что мне, вероятно, тоже не следует отправляться на эту самоубийственную миссию), я на мгновение

подумал, что он тут же вызовет меня на дуэль.

Тем не менее, я подозревал, что скоро у меня появится повод порадоваться его присутствию. Способность брать под контроль любую систему корабля, что он продемонстрировал ранее, определенно звучала как что-то, что могло бы серьезно облегчить нам жизнь на космическом скитальце. Со всеми датчиками, которые он установил в себя, ауспик, возможно, даже был излишним, но, поскольку тащить устройство придется не мне, я был совершенно удовлетворен наличием альтернативного метода поиска опасности, который в добавок не предполагал риска для моей жизни.

Наша небольшая группа была далеко не единственной, отправляющейся к Дару Емели: рядом с нашим кораблем стояли несколько других транспортов, и хотя ни один из них не был так совершенен, как отобранный у Карамазова, они все были способны на полеты в космосе. Некоторые из них принадлежали СПО до Восстания, другие перепрофилированными суденышками для полетов туристов и знати, а все, что больше всего походило на настоящие военные транспорты, было захвачено у Имперской экспедиции.

В ангаре стояли около двухсот солдат вместе с настоящей толпой боргов. Мне дали понять, что решение о том, кто из техножрецов примет участие в экспедиции на борту смертоносного скопления кораблей, превратилось в настоящее состязание, что было очевидным признаком опасности слишком большого количества металла в голове. С другой стороны, Малоне утверждал, что столкнулся с той же проблемой, попросив добровольцев принять участие в этой операции, так что, возможно, проблема была с еретиками в целом, а не только техножрецами.

В конце концов, генерал отобрал солдат на основе результатов их подготовки, а из участников этой, с позволения сказать, «битвы» против имперской экспедиции выбрал лучших по достижениям. Я твердо намеревался оставаться прямо в центре группы, удерживая вокруг себя как можно больше бронированных солдат. Кто-то может подумать, что моя репутация лидера, бьющегося в первых рядах, усложнит это дело, но история о том, как я отделился от остальной части атакующей группы во время абордажа «Пылающего возмездия», распространилась по всем США, и в результате солдаты были полны решимости защитить меня. Мне удалось сделать вид, что я неохотно соглашаюсь с их вежливыми предложениями, будто я только и хочу помчаться по лабиринтам коридоров давно мертвых космических кораблей, которые провели Император знает сколько времени в Варпе.

После последних приготовлений наша небольшая армада отправилась в путь. Ауспики дальнего действия корабля идентифицировали часть космического скитальца как стандартный имперский грузовой тягач, один из бесчисленных миллионов, что перевозили ресурсы из одной системы в другую, поддерживая жизнь великой межзвездной империи (по крайней мере, так считали мои наставники: лично я полагал, что жизнь на борту одного из них должна быть ужасно скучной). Мы выбрали его в качестве точки входа, потому что его схемы были легко доступны, так что борги были уверены, что смогут убедить его выживших машинных духов служить нам, и, согласно нашим сканированиям, на нем все еще была атмосфера.

В течение часа зона высадки была захвачена. Я приказал превратить ее в крепость, насколько это было возможно: если (или, как мне показалось, покалывание в ладонях, когда) нам нужно будет бежать, я хотел, чтобы было место, куда мы могли бы отступить. Пока борги разбивали лагерь, я с неохотой отправился вместе с остальной командой. Несмотря на пригодную для дыхания атмосферу, мы с Юргеном оба были в герметичных шлемах, потому что ни один из нас не был идиотом. Нашей целью было исследовать ближайшие окрестности нашего плацдарма, выявляя любые потенциальные угрозы для исследования Скитальца.

Я намеревался быть очень, очень осторожным и воспользоваться первым же предложением для возвращения в ангар и его относительную безопасность. После чего, героически приведя первую экспедицию к опасности, я неохотно откинулся на спинку кресла и буду руководить усилиями исследовательских групп, которые нам понадобятся, чтобы иметь хоть какую-то надежду создать карту этой развалины хотя бы за это столетие. Мне было все равно, какой это будет предлог: кусок бесполезного археотеха, труп странного ксеноса, столкновение с толпой орков (я смутно помнил рассказы о том, что зеленокожие иногда использовали космические скитальцы для путешествий по звездам, и если рассказчик не шутил надо мной, то это много говорило об интеллекте ксеносов), или даже вывернувшийся лодыжку солдат — что угодно.

Очевидно, Император прислушивался к моим мыслям, и еще очевиднее, что я все еще был в Его черном списке за свой длинный список грехов, каким бы невольным ни был самый тяжкий из них.

Мы переходили из одной части космического скитальца в другую, когда начались проблемы. К этому моменту мы шли уже около часа, пытаясь пробраться глубже в остов. Судя по дисплею моего шлема, атмосфера все еще была пригодна для дыхания, хотя и истончалась. Хотя нам еще предстояло столкнуться с какой-либо угрозой, гнетущая атмосфера давила на меня. «Дар» был устрашающе тихим по сравнению с кораблями, на которых я путешествовал до этого — наши шаги были единственным источником звука в пыльных коридорах, а вокс-динамики, передававшие приказы и призывы к молитве, зловеще молчали, когда мы проходили мимо них.

Солдат впереди приказал остановиться, заявив, что заметил что-то странное, что он не мог точно определить. Тесилон-Каппа вышел вперед, сканируя местность одним из своих имплантированных устройств, а затем заявил, что помехи были вызваны пересечением гравитационных полей двух кораблей: солдат, не имевший большого опыта работы с космическими кораблями, просто не понял этого. Как гравитационные двигатели (или, раз уж на то пошло, приводящие их в действие генераторы, а также освещение и циркуляция воздуха) все еще работали после Трон знает скольких лет в Варпе без технического обслуживания, я понятия не имел, и считал, что для моего душевного спокойствия лучше всего было не знать.

Лидер боргов заверил нас, что легкая тошнота была самым худшим из возможных последствий, а двинувшийся вперед разведчик указал, что затронутая область была небольшой, всего один коридор, который из-за столкновения двух кораблей начинался как часть грузового тягача и заканчивался частью... ну, чем там был следующий корабль до своего злополучного конца. На всякий случай я приказал отряду переходить его по одному. Как только пятеро солдат без проблем добрались до конца, я последовал их примеру, осторожно двинувшись вперед.

Я был на полпути через пострадавшую область, с небольшим расстройством желудка в качестве награды, и вдруг внезапно пропустил свой следующий шаг.

Гравитация перевернулась, что понял я слишком поздно, чтобы ухватиться за что-то. Я упал вверх, и то, что раньше было потолком коридора, лопнуло под моим и своим собственным внезапно перевернутым весом. Следующие несколько мгновений были полны страха и замешательства, поскольку я отчаянно пытался и не смог остановить собственное движение под влиянием неисправной гравитации, будто игрушка, за которую боролись несколько детей.

В конце концов, мои кошмарные испытания закончились, и я остался лежать на металлическом полу, прерывисто дыша и пытаясь удержать содержимое желудка. По счастливой случайности я не заработал ничего хуже синяков и тошноты - мой бронезилет и удачный угол падения не дали мне сломать кости. Однако я оказался отрезан от остальных членов абордажной группы. Прежде чем начинать панику, я активировал свою вокс-бусину,

настроенную на частоту отряда:

«Говорит Каин», — крикнул я. — «Меня кто-нибудь слышит?»

Ответа не было, только помехи. Оглядевшись вокруг, я увидел, что больше не находился внутри грузового тягача: вместо обнадеживающего лоскутного одеяла из металлических пластин, составляющих стенки того корабля, эти были гладкими и цельными. На мгновение мне показалось, что я на корабле ксеносов, но потом я увидел выцветший знак, нарисованный над красной стрелкой. Лишь две буквы все еще были видны, Б и Е, но, по крайней мере, я знал, что строители этого корабля использовали стандартный человеческий алфавит.

Как бы я ни хотел остаться на месте и дождаться, пока другие найдут меня (я был уверен, что Юрген, по крайней мере, не оставит меня позади), идея стоять на одном месте посреди неизвестной и, вероятно, враждебной территории, меня не устраивала. Я понятия не имел, что еще помимо меня было на этом корабле, и хотя мой шлем был оборудован датчиком движения ближнего действия, его нельзя было сравнить с настоящим ауспиком, и вдобавок у меня не было солдат, за которыми можно было бы спрятаться. Скрытность была наилучшим вариантом, а это означало, что мне нужно было найти безопасное укрытие и оставаться там, не отрываясь от вокса. ОАС проводили учения по поисково-спасательным работам в рамках своей учебной программы, и я был знаком с их протоколами: если они сохраняют спокойствие, то будут посылать один вокс-импульс каждые пять минут поисков, пока я не отвечу.

В отличие от предыдущей части космического скитальца, здесь не было света, хотя гравитация, очевидно, все еще работала. Поколебавшись между риском сообщить о своем местоположении любой угрозе глазами и риском натолкнуться на опасность вслепую, я активировал налобный фонарь шлема на самом слабом уровне и начал продвигаться вперед, опираясь на весь опыт скрытного передвижения, что я получил за свое детство в городе-улье и годы беготни от дисциплинарных офицеров в Схоле.

Через несколько минут, когда самым громким звуком в моих ушах стало биение собственного сердца, я провел лучом света из своего шлема по комнате, в которую собирался войти, и замер. Там было... что-то, менее чем в пяти метрах от меня. Масса хитина, четыре свернутые вместе конечности. Зрелище было настолько отвратительным, что я инстинктивно отпрянул назад, двигаясь гораздо менее изящно, чем раньше, и мой бронированный ботинок ударился о металлическую палубу с грохотом церковного колокола.

Я полностью перестал двигаться, затаив дыхание, несмотря на то, что знал, что мой шлем подавляет все звуки, исходящие из моего рта. Затем, к моему ужасу, конечности существа начали дергаться. Мои руки легли на оружие, но прежде чем я успел его вытащить, инстинкт заставил меня покрутить головой, осмотрев остальную часть комнаты и сковав мои внутренности льдом.

Существо передо мной было не единственным. Комната была переполнена дремлющими монстрами, десятки которых занимали почти все пространство комнаты. Я мог только вообразить, как давно они прибыли сюда, и как это вообще произошло. Этому кораблю должно было быть как минимум несколько столетий, и Трон знает, как долго он был потерян в Варпе. Тем не менее, независимо от того, как они прибыли, прямо сейчас они были передо мной.

И они начали двигаться. Какой бы глубокой ни была их спячка, у них определенно был какой-то способ следить за окружением, предупреждающий их о присутствии добычи, наткнувшейся на них — меня в данном случае.

Я не дал себе времени на размышления, потому что это парализовало бы меня от ужаса. Вместо этого я активировал свой цепной меч и с героическим воплем ужаса начал рубить шевелящихся ксеносов. Я разрывал их выпуклые черепа, нацеливаясь на то, без чего, как я почти уверен, они не могли жить. Даже с придавшим мне силы страхом, каждое убийство требовало нескольких ударов, поскольку толстый панцирь зверей притуплял мои удары и заставлял меня рубить их, как мяснику - зрелище, которое заставило бы моих инструкторов по фехтованию расплакаться.

К тому времени, когда я добрался до последнего, он уже полностью стоял, возвышаясь надо мной. Время, казалось, замедлилось, как это обычно бывает в ситуациях, когда адреналин свободно циркулирует в крови, позволив мне впервые в моей жизни напрямую взглянуть на ксеноса. Всего у него было шесть конечностей, пара мощных ног и две пары рук, одна из которых заканчивалась пятипалыми руками, а другая — тремя острыми когтями. В слабом свете моего налобного фонаря его хитин казался в основном болезненно-белым, а когти и ряд пятен на естественной броне ярко-красными.

Он пошатнулся, замахнувшись своими когтями, открыл отвратительную пасть с целым частоколом зубов, и закричал достаточно громко, чтобы сработали аудио-протекторы моего шлема, приглушив звук для защиты моих барабанных перепонки. Я поднырнул под его удар и ударил цепным мечом, оставив длинный порез на его груди, но не сумев проникнуть достаточно глубоко, чтобы пустить кровь.

Инстинктивно я понял, что, несмотря на пробуждение, движения существа были вялыми и сонными после продолжительной спячки, почти как у меня утром после вечерней выпивки и перед принесенной Юргеном чашкой рекафа. Чем дольше тянулся бой, тем осторожнее становился ксенос, и тем ниже становились мои шансы на выживание.

Поэтому, игнорируя каждый инстинкт моего тела, что говорил мне разорвать дистанцию с когтистой мерзостью, я вместо этого бросился вплотную к нему, держа цепной меч обеими руками. Этот ход ненадолго застал его врасплох, и прежде чем он смог среагировать и разорвать меня в клочья, я рванул свое оружие вверх и с криком снес ему голову, пропитав свой бронежилет ихором (хотя, к счастью, маска не позволила мне почувствовать его запах).

Я стоял там, тяжело дыша, пока резкий шум с другого конца комнаты не заставил меня повернуться в этом направлении, потянув руку к болт-пистолету на бедре. Но, к моему огромному облегчению, источником звука были не монстры. Вместо этого был Юрген, все тело которого потрескивало от энергии Варпа, а остальная часть нашей экспедиции бежала следом, очевидно пытаясь догнать его. Я мог разглядеть за его спиной разорванный металл, показывающий, что он использовал свои силы, чтобы буквально ломать и разрывать корабль в моих поисках. Каким-то образом во время боя я не услышал шума.

Никогда прежде я не был так счастлив видеть своего помощника.

«Сэр!» — Он закричал, прежде чем замедлить шаг и окинуть взглядом бойню вокруг меня вместе с солдатами. — «Вы в порядке ...»

Меня поначалу удивила реакция, а потом я понял, как выглядела эта сцена. Вот я стою один и невредимый, окруженный трупами ксеносов, только что обезглавив последнего из них. Судя по их взглядам, солдаты уже пришли к своим выводам о произошедшем.

Без сомнения, если мы выберемся из этой смертельной ловушки, к моей незаслуженной репутации будет добавлена новая глава, рассказывающая о том, как я в одиночку противостоял

стае инопланетных машин для убийства и вышел победителем. Я подавил желание закричать, мои инстинкты выживания едва преодолели испытываемое раздражение.

«Привет, Юрген», — позвал я его. — «Были проблемы с моими поисками?»

«Ни капли, сэр», — сказал Юрген, бросившись ко мне и начав беспокойно осматривать на наличие каких-либо признаков травм. — «Мы пошли прямо вверх и сами не наткнулись ни на одного из этих зверей, кем бы они ни были».

«Генокрады», — сказал Тезилон-Каппа, вставая на колени у одного из трупов и осматривая его различными инструментами, которые я не смог опознать. — «Когда-то считавшиеся просто еще одним хищным видом ксеносов, с тех пор выяснилось, что они служат своего рода авангардом для флотов тиранидов».

Я моргнул. — «Откуда ты это знаешь?»

«Поскольку космические скитальцы, как известно, содержат всевозможных ксеносов, я позаботился о том, чтобы загрузить всю информацию, доступную моим когитаторам», — ответил он со слегка самодовольным видом.

Что ж, в этом был смысл, подумал я, прежде чем смысл его предыдущего объявления до меня дошел.

«Подожди», — сказал я, едва сдерживая возобновившийся ужас в голосе. «Ты говоришь, что к Славкенбергу приближается рой-флотилия тиранидов?»

«Это... кажется маловероятным», — сказал он. — «Согласно имеющимся у меня записям, сообщений о присутствии генокрадов было неизмеримо больше, чем об атаках тиранидов».

Это было не так обнадеживающе, как он, вероятно, хотел. Я пытался уверить себя, что Эмили не послала бы космический скиталец, если бы он стал приговором Славкенбергу, и решительно игнорировал тихий голос, подсказывающий, что она просто могла не знать, что делает. В любом случае я ничего не мог с этим поделать. Несмотря на то, что ОАС удивили меня своей эффективностью против карамазовского вторжения, у них не было ни единого шанса против хитиновых волн, которые десятки лет назад практически уничтожили самих Ультрамаринов.

Я очень хотел отдать приказ повернуть назад. Судя по потерям, понесенным отрядом, и моему собственному героизму с уничтожением двадцати зверей, никто бы не стал возражать. К сожалению, я не мог избавиться от уверенности, что это будет фатальной ошибкой.

«Нам нужно двигаться дальше», — сказал я вслух. — «Могут быть и другие гнезда».

И хотя был шанс, что они все еще спали, я не мог рисковать и спустить дело на тормозах, пока не уберусь с этого проклятого Скитальца. Конечно, остальная часть команды была только рада продолжить. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, как это выглядело с их точки зрения, поскольку они думали, что я столкнулся с уже пробужденными генокрадами. Для них я, только что уничтожив целое гнездо тварей в одиночку, все еще жаждал большего и вел их к славной битве.

Мы продолжили исследование древнего корабля, продвигаясь осторожно и с оружием наготове. К моему огромному облегчению, мы больше не встречали гнезд дремлющих генокрадов, не говоря уже об активных. Возможно, конечно, что проснувшиеся ксеносы держались подальше от нас после уже понесенного урона, не желая рисковать своими

жизнями теперь, когда они знали, что мы (а если точнее, солдаты и Юрген) можем отбиться от них. . Но это уже будет проблемой для следующих исследовательских групп, так что я был вполне доволен этим стечением обстоятельств.

Тесилон-Каппа повел нас туда, где, по его мнению, находился мостик: хотя корабль был более старой модели, чем что-либо в его банках данных, в архитектуре прослеживались элементы, которые всегда были одинаковы. Когда мы прибыли на место, то обнаружили тотальные разрушения, хотя было ли это так до того, как корабль уволокло в варп, трудно сказать: половина пространства была занята корпусом другого корабля, сплавившимся с этим на невероятно хорошем уровне: я увидел командную станцию, экран которой был в безупречном состоянии, за исключением отсутствовавшего куска там, где он букрально сросся с грубым металлом. Все это было похоже на результат усилий какого-то сумасшедшего бога-ребенка, поигравшегося с реальностью, что, я полагаю, было не так уж далеко от правды.

От экипажа не осталось и следа. Пол был покрыт различными обломками элементов мостика, упавших после потери опоры. Тесилон-Каппа бросился на разведку, а я приказал команде охранять вход и проверить углы на случай, если с нами там был еще кто-то.

Мгновение спустя Тесилон-Каппа издал звук, который я не мог определить, но, оглядываясь назад, я полагаю, что это был вокс-динамик, попытавшийся издать сдавленный крик. Я немедленно обернулся, думая, что он нашел что-то опасное или наткнулся на незамеченную нами угрозу, но он выглядел совершенно нормально, стоя на коленях на земле с каким-то квадратным устройством с мигающими огнями в руках, уже подключив к его входному порту механо-дендрит.

«Тесилон-Каппа? Магос, что это? Что-то не так?»

«Это... это... это чудо...». — Он дрожал под своей мантией, что я считал невозможным, учитывая то, что большую часть их тел они заменили металлом. — «Леди Эмели столь щедра...»

«С этим не поспоришь», - оборвал я его. — «Но можете ли вы сказать нам как именно в этом случае?»

«Это база данных СШК», — объявили они тоном священника, объявляющего о пришествии нового Живого Святого. Что, вероятно, было не так уж и далеко от сравнения, если подумать.

Я несколько секунд давился пыльным воздухом, прежде чем спросить подтверждения, посчитав, что ослышался.

«Ты хочешь сказать, что в этой штуке есть схема Стандартной Шаблонной Конструкции?»

«И не одна», — благоговейно сказал лидер боргов. — «Несколько».

«Сэр?» — спросил Юрген. — «Что это? Оно ценно?»

Судя по взглядам остальных членов команды, им тоже было любопытно. Что было понятно, потому что жителям захолустной планеты вроде Славкенберга просто неоткуда было это знать, а Юрген не мог получить даже то, что считалось стандартным образованием на Валгалле. Видя, что Тесилон-Каппа был слишком окрылен, и вероятно, начал бы многословную тираду, я поспешил объяснить самостоятельно.

«Образцы стандартных шаблонных конструкций — это пережитки Темной эры технологий,

созданные за столетия до формирования Империиума, еще во времена технологического пика человечества. Насколько я понимаю, это чрезвычайно подробные чертежи и инструкции, объясняющие, как строить... ну, на самом деле все что угодно. Большая часть оборудования Имперской Гвардии создана в соответствии с проектами СШК, как и почти все, что создают Механикус. Даже подводные генераторы на Славкенберге были построены в соответствии с одним из таких чертежей».

«Значит, они ценны», — сказал Юрген. Это было все равно, что сказать, что океан был влажным, или что последний губернатор Славкенберга был немного вспыльчивым.

«Позвольте мне описать это так: когда пара гвардейцев несколько лет назад нашла СШК для изготовления ножей, Механикус подарили каждому из них собственную планету. И даже простого слуха о поврежденной частичной схеме СШК достаточно, чтобы гарантировать целые экспедиции Механикус».

«Звучит как то... неправильно», — сказал мой помощник с уважительным сомнением. «Почему марсиане так возятся с ножами? Кто угодно знает, как их изготавливать, не так ли?»

«Насколько я понимаю, это очень, очень хорошие ножи», — ответил я. — «Настолько, что их начала использовать целая куча орденов космодесанта».

«О. Это все объясняет, да.» — Было несколько успокаивающе видеть, что, несмотря ни на что, Юрген все еще был должным образом впечатлен упоминанием Ангелов Смерти Императора. — «Тогда для чего эти?»

«Ни малейшего фраккового понятия», — признал я, не видя причин лгать об этом. — «Магос?»

Мое обращение выбило Тесилон-Каппу из религиозного транса, в котором он находился все это время, и он вернулся к осознанию окружающего.

«Что? О, мои извинения. Из того, что я могу сказать из беглого осмотра, эта база данных предназначалась для использования человеческими колонистами на мирах с враждебными условиями... во имя Омниссии...».

«Что такое?» — спросил я, внезапно ощутив беспокойство по причине, которую даже не мог сформулировать.

«В этой базе данных есть чертеж устройства под названием «Панацея», Лорд-Освободитель». — Искусственный голос Тесилон-Каппы зазвучал даже более благоговейно, чем раньше. — «Согласно приложенному описанию, оно способно исцелять все болезни и недуги человеческого тела».

Вся комната внезапно погрузилась в тишину, пока все обдумывали сказанное боргом. Мое сердце просто обледенело.

Говоря объективно, это было невероятное открытие. Я не был слеп к невероятному потенциалу этого СШК: в зависимости от того, как работает Панацея, в умелых руках она могла бы спасти миллиарды, даже триллионы жизней. Даже на Славкенберге она произвела бы революцию в здравоохранении. Или вызвать массовые социальные потрясения при плохом обращении, но не это было моей главной причиной для беспокойства.

Новой причиной для моей паники был тот факт, что если Механикус услышат об этом, то они уж точно не предложат мне планету в обмен на базу данных. Они придут с армией, по

сравнению с которой экспедиция Карамазова будет похожа на сборище хулиганов-подростков, и заберут чертежи с руин Славкенберга, предварительно, скорее всего, убив всех еретиков, которые хотя бы дышали в одной комнате с их священным артефактом. А кроме того, если слухи о Панацее дойдут до остального Империиума, не будет недостатка во влиятельных личностях, готовых заплатить любую цену, в том числе жизнями, чтобы получить ее.

И в довершение ко всему, я не мог представить, что Темный Бог Нургл тоже будет рад этому открытию. Я уже и так порядком разозлил его, уничтожив его культы на Славкенберге при освобождении Юргена из плена, и из того, что я знал о Повелителе Чумы, чудодейственное лекарство от всех болезней гарантированно вызовет его гнев.

В общем, дар Эмели нарисовал на Славкенберге огромную мишень, гораздо большую, чем та, что я создал убийством Карамазова, и я вовсе не был уверен, что оставшихся данных в базе данных будет достаточно, чтобы сохранить планету и, самое главное, меня в безопасности.

Пару минут я подумывал выстрелить Тесилон-Каппе в голову, а потом приказать Юргену убить всех солдат в комнате, просто чтобы скрыть находку. К сожалению, хотя я был вполне уверен, что могу без сомнений довериться своему помощнику с подтверждением правдивости слезливого рассказа о том, как мы подверглись нападению, и вдвоем оказались единственными выжившими, но гибель Тесилон-Каппы сильно ударила бы функционированию Освободительного Совета, полностью нарушив хрупкий баланс сил. А еще повредило бы моей репутации, от которой я зависел все больше, и которая не давала окружающим меня еретикам отвернуться от меня.

Отбросив этот первый план, в моей голове начал формироваться новый. Я несколько секунд обдумывал это, а затем решил, что это был мой лучший шанс пережить последствия этого открытия в долгосрочной перспективе.

«Парни», — сказал я вслух, обращаясь к каждому солдату своим лучшим командным тоном, — «ничто из того, что вы только что услышали, не должно покинуть эту комнату. Понимаете? Это открытие будет иметь решающее значение в выживании Славкенберга в борьбе с силами, что стремятся растерзать нас. Никогда даже не упоминайте о том, что здесь произошло».

Дисциплина ОАС сыграла в мою пользу, и все они кивнули и выразили свое понимание. С частичным облегчением я повернулся к Тесилон-Каппе:

«Магос, надеюсь, ты понимаешь, с какой угрозой мы столкнемся, если Механикус услышат об этом». — Я не стал превращать это в вопрос.

«Я... Да. Вы правы, лорд-освободитель», — ответил он. — «Мои бывшие коллеги, узнав об этом, прореагировали бы неоптимальным образом».

«Мягко говоря», — сухо сказал я. — «Итак, вот что я предлагаю: мы вернемся на посадочную площадку, а ты вернешься на Славкенберг и перенесешь эту базу данных в самое безопасное место, какое только сможешь придумать, в штаб-квартире Несущих Обновленное Величие и ограничишь распространение информации о ее существовании до абсолютного минимума. Тем временем я прослежу, чтобы никто в экспедиции не задавал никаких вопросов».

«Но», — запротестовал он, — «мы не можем просто запереть подобное сокровище! Подумайте, сколько пользы могут принести СШК внутри нее! Одна только Панацея...»

«Я понимаю», — заверил я. — «Вот почему, как только ты должным образом протестируешь их и разработаешь способ распространения, твой орден объявит, что открыли универсальное

лекарство от болезней и ядов».

Я смотрел на металлическое лицо Тесилона-Каппы, пока не совсем метафорические шестеренки вращались в его голове.

«Вы хотите, чтобы мы приписали себе знания из этой базы данных», — медленно сказал он. — «И заявили, что мы изобрели все это сами, а не открыли заново».

«Мне это кажется самым безопасным образом действий», — подтвердил я. — «Нам придется составить график выпуска проектов, который не будет выглядеть слишком подозрительно, но это уже твоя специальность, а не моя».

«Я понимаю», — сказал он. — «Мне не нравится лгать о столь священных вещах, но вы правы, это наилучший образ действий. И снова я благоговею перед вашей мудростью, лорд-освободитель».

Я нервно усмехнулся, отменяя его похвалы взмахом руки, и вскоре мы начали возвращаться в посадочную площадку. Хотя я продолжал бдительно следить за новыми генокрадами и любой другой опасностью, наше путешествие назад прошло без происшествий, заставив меня мрачно задуматься о том, какие еще осложнения для моей жизни остались на борту «подарка» Эмели. Я хотел думать, что ни один из них не сможет сравниться с открытием базы данных СШК, но моя паранойя не давала мне закончить эту мысль, просто чтобы судьба не восприняла это как вызов.

По крайней мере, утешал я себя, теперь у меня был предлог покинуть космический скиталец: остальные члены Совета Освобождения должны быть проинформированы об этом лично. И, конечно же, как только я вернусь на Славкенберг, я смогу найти предлог, чтобы остаться на планете и оставить исследование и переоборудование Дара Эмели другим, более квалифицированным людям.

Конечно, я с содроганием понял, это оставит меня на одной планете с Кристабель и остальными Служанками, чья госпожа, по-видимому, считала Космический Скиталец и сокровищницу бесценных знаний совершенно нормальным подарком. Может быть, на Космическом Скитальце мне все-таки было бы безопаснее.

<http://tl.rulate.ru/book/89867/3080457>